

Песни на рёбрах

К читателю

В пятидесятых годах прошлого столетия, когда ещё не было карманных радиоприёмников, отовсюду звучали живые песни. Пели школьники и студенты на переменах, пела молодёжь и люди постарше, когда их посылали в поле собирать урожай, пели у станков и за верстаками. А деревня? Разве могла жить без песни деревня? Любой праздник, любое застолье не обходилось без песни. А как пели-то! Задушевно, получая удовольствие сами, старались понравиться другим.

Сейчас другое время, другие скорости и другие ритмы. Да, отовсюду слышатся только ритмы: ни слов ни музыки. Даже по радио на всех волнах передают только пошлую попсу. Я давно уже не слышал, чтоб кто-то пел, не на сцене, а просто так для удовольствия.

Возможно, я зануда и не прав. Вот на эту тему я хочу по рассуждать устами героев моей маленькой повести.

Евгений Старков.

Много слышал Артём о романтике дальних походов, а бардовские песни под гитару у ночного костра – это был предел его мечтаний. Но рыночные отношения, погоня за деньгами видимо выбили улюдей чувство романтики. Теперь стало престижно отдыхать где-нибудь в Турции или в Арабских эмиратах. У Артёма был велосипед, и он часто ездил за город, но это были однодневные поездки километров за тридцать, сорок, чтоб вечером вернуться домой. Ездил он чаще всего один, постепенно изучая окрестности города. Дома он постоянно слушал самую разную музыку. Раньше он покупал кассеты, теперь - диски. Он знал все современные группы, следил за новыми звёздами.

Один раз возвращаясь из поездки во дворе Артём встретил Валерку из соседнего подъезда.

– Куда это ты, пан спортсмен, едешь на своём велике? – поинтересовался сосед.

– Да вот изучаю окрестности города, - ответил Артём и добавил: - Для здоровья тоже полезно.

– Ну да, - согласился Валерка и похвастался: - а я вот в поход на катамаранах собираюсь.

Артём, конечно, позавидовал ему.

– А ты давай с нами. – неожидан предложил Валерка, - у нас, кажется одного человека не хватает. Скажи телефон. Я уточню и завтра тебе позвоню.

Артёма как раз выгнали в неоплачиваемый отпуск. Он хотел поискать какую-нибудь временную работу, но сплав на катамаранах не часто предлагают

Через пять дней группа туристов из шести человек начала сплав на двух катамаранах по красивой уральской реке. Мужчины сидели на вёслах, а пассажирки девушки с восхищением комментировали окружающую природу. Артём, впервые видевший такую дикую красоту, тоже не мог удержаться от восхищения. За первый день проплыли всего километров семь. Когда стали оборудовать стоянку, Артём заметил, что Герман всеми командует, всех торопит, асам почти ничего не делает. Даже девушкам, которые

заялись приготовлением еды, он постоянно давал нелепые советы.

Постепенно Артём понял, что Герман был начальником, какой-то непонятной фирмы. Игорь, приятель Валерки, тоже работал в этой фирме. Анжелу Артём считал женой Германа, но Игорь сказал, что жена у него дома, а это просто очередная тёлка для развлечений. Вторую девушку Лену в поход пригласил Игорь. Во время похода он надеялся наладить с ней более тесные отношения, которые никак до этого не получались.

За ужином пили спирт. Герман для важности пил чистый, а остальные разводили родниковой водой. У Артёма в рюкзаке была бутылка водки, но он решил приберечь её на крайний случай.

– А бардовские песни петь будем? – наивно спросил он.

– Какой дурак сейчас будет даром драть глотку, когда у каждого если не музыкальный центр, так какой-нибудь плеер обязательно есть, - ответил Герман, разливая спирт и помолчав хвастливо заявил: - У меня дисков целая полка.

Выпив и закусив, Игорь наклонился к Лене и страшно искажая мелодию запел:

– Милая моя, солнышко лесное

Где, в каких краях встретишься со мною...

– Заткнись! – грубо оборвал его захмелевший Герман.

– А у меня есть кассетник, - сообщил Артём, чтоб разрядить обстановку.

– Что ж ты молчал, Хрен моржовый? Давай врубай на всю катушку, - опять начал командовать Герман.

Загадочную вечернюю тишину уральского леса нарушила монотонная ритмичная музыка : «Бум, бум, бум!»

Герман попытался под эту музыку танцевать, но его ноги плохо слушались. Скоро Анжела увела его спать в палатку.

Артём выключил музыку. Ночная тишина располагала к доверительным разговором.

Неожиданно Анжел снова появилась у костра , села рядом с Артёмом и предложила выпить ещё.

– Ты что? – осуждающе сказала Лена.

– А что ещё делать, если Герман только забрался в палатку, тут же захрапел, - вызывающе ответила Анжела и потянулась за бутылкой. Выпив, она ещё плотней прижалась к Артёму.

Костёр почти потух, на абсолютно тёмном небе стали видны россыпи звёзд. Не много полюбовавшись звёздным небом, пошли спать. Артём, как и плыл, пошёл в палатку с Игорем и Леной, но его вдруг остановила Анжела.

– Пойдём к нам, - сказала она, - у нас лучше.

– Иди, иди, - поддержал её Валерка, - я у Игоря ночью.

Достав из рюкзака старенькое одеяло, Артём, как положено мужчине, лёг с краю. У Анжелы был спальник, но она не стала прятаться в него, а легла сверху, плотно прижавшись к Артёму.

– Ладно, подумал он, - под утро замёрзнешь, сама заберёшься в спальный мешок.

Но вот Анжела приподнялась и навалившись на него, стала целовать в губы. Такого Артём не ожидал и продолжал неподвижно лежать. На какое-то время женщина отстранилась от него . По шуму он понял, что она снимает свитр. Вдруг его лица коснулись не губы, а обнажённая грудь.

– Угомонись, - сказал он и отвернулся лицом к стенке палатки.

– Дурр-р-рак не доделанный! – злобно прорычала обиженная женщина.

Нет. Артём не боялся крепко спящего Германа, но ему было как-то не комфортно заниматься любовью под храп мужчины, который считал эту женщину своей. Возможно другой, наоборот, получил бы от этого большее удовольствие и потом хвастался бы перед друзьями, но

Артёму такая ситуация была не приятна. Анжела долго возилась сердито ворча. Наконец она затихла, а Артём ещё долго не мог уснуть.

– Ну и туристы! – думал Артём. – Пусть нет гитары, но могли ведь и без неё попеть у вечернего костра. Если не знают бардовские песни, спели бы хоть «Надежду». Её-то уж все знают. Или...

Артём хотел вспомнить слова какой-нибудь песни, но в голове крутился только «Кузнечик», которого он пел ещё в детском саду.

– Хорошо, я не знаю песен, но девчонки-то, наверняка любят петь, - думал Артём.

Он уже пожалел, что взял с собой магнитофон.

Все, кроме Игоря, в походе были первый раз, В другой палатке Игорь хвалился, что побывал в разных местах, но рассказать что-нибудь интересное ему было не под силу. Неожиданно Валерка начал рассказывать анекдоты с «картинками». Лена сначала хихикала, а потом замолчала. Когда запас анекдотов иссяк, Игорь уже храпел.

На следующий день Герман взял Артёма вместо Валерки на свой катамаран и велел врубить музыку.

В одном месте встретили группу, от которой узнали, что по ночам воруют катамараны и лодки. Решили установить ночное дежурство по два часа. Как и следовало ожидать. Герман стал дежурить первым, когда ещё не хотелось спать. Конечно, он, дежурил не один, а с Анжелой.

Так плыли около недели. Днём Валерка много фотографировал, по вечерам, слушая попсу, пили спирт.

Игорь обычно дежурил тоже не один. Чтоб ему не было скучно, он уговаривал посидеть с ним у костра Лену.

Один раз Артёма тревожным голосом разбудил Валерка.

–Что, уже пора? – удивился Артём.

– Да нет. Это я уже час должен дежурить, а Игорь меня не будит, сообщил Валерка.

– А до меня- то ты чего докопался? – недовольно проворчал Артём.

– Так, это, катамаранов нет.

– Как нет? – переспросил вскочивший Артём.. – А Игорь где?

– Лежит у костра.

– Живой?

– Не знаю.

Артём выскочил из палатки. Было уже светло, и он увидел совершенно пустой берег, а у потухшего костра скорчившись лежал Игорь.

– Срочно буди Германа, распорядился Артём.

Через минуту все были на берегу. Ночной дежурный был смертельно пьян. Около него валялась недопитая бутылка.

– Вы же оставались вдвоём? – обратился Герман к Лене.

– Но мы с ним поссорились, и я скоро ушла спать – объяснила Лена.

– Где теперь наши катамараны?! Как будем отсюда выбираться?! – закричал взбешённый Герман.

Если б не Валерка и Артём, он, наверно, убил бы несчастного Игоря.

После завтрака проплывавшие мимо люди давали самые разные советы. Одни советовали срубить плот, но у наших туристов не было пилы и из сырого леса шесть человек плот не удержит. Самое верное было выбираться пешком. Надо пройти километров двадцать вниз по реке и примерно столько же по руслу небольшой речки до села Крутояр, от куда можно выехать на автобусе или попутке.

Поздней выяснилось, что Игорь стал домогаться Лены, но она заупрямилась. и в результате они поссорились. Видимо у Игоря в заначке была бутылка и он с горя

напился. Только после купанья в холодной воде он немного пришёл в себя и смог идти.

Тропы вдоль реки не было. Шли у самой воды. Обмелевшая река обнажила удобную для ходьбы полосу. Где песок, где гравий или щебёнка приятно шуршали под ногами., но местами огромные каменные стражи таёжной реки выступали прямо из воды, преграждая путь. Приходилось карабкаться наверх, обходя отвесные скалы по каким-то еле заметным толи людским, толи звериным тропам. Потом спускались обратно к реке, порой тормозя пятой точкой. Раза два удалось выйти на вершины скал, вид с которых был неопиcуемый. Девчонки визжали от страха и восторга. Артёму даже стало казаться, что пешком идти на много интересней. Когда плыли по воде, он несколько раз предлагал остановиться и обследовать хоть одну скалу, но Герман говорил:

– Нечё дурью маяться, ещё разобьётесь.

Теперь и он понял, что был не прав, а Валерка без конца щёлкал пейзажи с необычным ракурсом. В одном месте выйдя из-за скалу буквально носом к носу встретились с зайцем. он от неожиданности опешил, а потом как сиганул, словно его и не было. Валерка ругал себя, что не успел сфотографировать, зато ему удалось сделать несколько кадров ужа на фоне белого камня.

За день прошли всего километров восемь. К вечеру поднялся ветер. Валерка предложил устроиться на ночлег возле каменной глыбы, которая защищала от ветра, но Герман испугался змей и ночевали на берегу реки, где ветер всю ночь неистово трепал палатки. К утру стало так холодно, что Артём, у которого вместо спальника было всего лишь старенькое байковое одеяло начал дрожать. С восходом солнца стало теплей, но к полудню не по летнему небо заволкло какой-то хмарью, а потом пошёл дождь. Надо было срочно ставить палатки, но по совету Германа спрятались под разлапистой елью. Он сказал, что летний дождь скоро пройдёт и можно будет двигаться дальше. К

сожалению, дождь, сопровождаемый ветром усилился, и ель перестала защищать от него. Скоро все промокли и замёрзли.

– Надо разогреться при ходьбе а потом поставить палатки, - предложил Герман.

Что надо согреться, понимали все, но как мокрыми спать в палатках, было под большим вопросом. Вскинув на плечи потяжелевшие от дождя рюкзаки, люди тронулись в путь. Шли молча. Настроение было ужасное. С трудом преодолев не высокий камень, женщины сказали, что, если ещё встретится скала, они ни за что на неё не полезут. Им повезло. но вот путь преградил какой-то приток.

Случайный рыбак, высунувшись из малюсенькой палатки, сначала отругал погоду, а потом объяснил. что это речка Крутоярка. Больше всего обрадовало то, , что километрах в двух есть хуторок, где можно переночевать и обсушиться.

Противный дождик, кажется, прекратился, но мокрая одежда неприятно холодила. Для поднятия духа Артём включил музыку.

В первых двух хибарах никто не отозвался. Только третьей добротной избе заскрипели половицы, и скоро в окне показалось лицо с белой окладистой бородой.

– Пустите переночевать, - жалобно попросил Герман.

Бородатое лицо исчезло, но через минуту распахнулась калитка, и в проёме показался крепко сложенный дед.

– Пустите переночевать, повторил Герман и добавил: - не бойтесь, мы туристы и все промокли.

– А я никого не боюсь. Вы вот плохие туристы, если не смогли укрыться от дождя., грубовато ответил хозяин.

– Пустите пожалуйста. – запищали женщины.

– Ладно, уговорили, согласился дед, - только выключите свою тараторку.

Сняв грязную обувь, туристы прошли в избу. В просторной комнате было очень мало мебели. Стол, большая скамья, две табуретки, старый диван и

оставленная с зимы железная печка составляли всё убранство жилища. Слева располагалась кухня с русской печью а дальше была маленькая комнатка, в которой спал хозяин.

Стали разбирать рюкзаки. У Валерки был не промокаемый рюкзак, и все вещи были сухими. У Артёма одеяло в полиэтиленовом пакете и тоже хорошо сохранилось. У остальных всё было

наполовину мокрое.

Хозяина дома звали Фёдор Захарович Пестерев. Он сел на стул у входа в свою комнатёнку и молча наблюдал за непрошенными гостями.

– Да-а-а, - многозначительно протянул он, глядя на мокрые вещи. – Прийдётся натянуть верёвку и затопить буржуйку.

Громко крикнув, он поднялся со стула и сходил за дровами. Скоро загудела железна печка наполняя комнату теплом. На натянутую верёвку, ближе к печке разместили подмокшие спальные. Мужчины разделись до трусов и мокрую одежду тоже повесили сушить. Изба наполнилась паром. Пришлось открыть окно. Женщины сначала стеснялись, а потом вышли на улицу и вернувшись в купальниках, тоже развесили сушить свою одежду. На раскалённой буржуйке быстро сварили суп и вскипятили чай. Первый раз за время похода ели за столом.

– Хорошо бы сейчас по рюмашке, со вздохом сказал Валерка.

– Да, не плохо бы, но увы, спирта больше нет, - ответил Герман.

– А у меня есть Н.З. – радостно сообщил Артём и достал из рюкзака бутылку водки.

– Какой ты молодец! – хором выдохнули мужчины.

Предложили выпить и хозяину, но он отказался.

– Зачем зря добро переводить? – сказал он. – Вы то промокли. Вам для сугреву надо выпить, а я только по

праздникам выпиваю. Супчику вот немножко похлебаю. Лениюсь для себя еду готовить.

Артём заметил в маленькой комнатке гармошку.

– Это вы играете. Фёдор Захарович? – спросил он.

– Так ведь мы всю жизнь жили с песней, - оторвавшись от супа ответил дед и продолжил: - Нам песня строить и жить помогала, а под гармошку песня звучит на много убедительней. Я начал играть, когда ещё в школе юнг учился. Был у нас там один, царство ему небесное, любую песню сходу играл. Мне он показывал, какие кнопки нажимать и страшно ругался, что я кнопки нажимал правильно, амелодию вывести не мог. Слух-то у меня ведь не такой был как у него, но он заразил меня музыкой и благодаря своему упорству, я научился неплохо играть. Если б он не подорвался, наверно, стал бы знаменитым музыкантом.

– А как это он подорвался? – заинтересовался Артём.

– Так война закончилась, а мы ещё долго фарватеры чистили и не мало нашего брата погибло. а участниками войны нас не считали.

– Может сыграете? – не унимался Артём.

– Сейчас, только доем, - согласился Фёдор Захарович.

Анжела, скорчив неприятную гримасу, что-то прошептала Герману. Тот тоже сделал кислую рожицу и неопределённо пожал плечами.

– Сейчас ведь песни не поют, а вместо музыки только «Бум, Бум, Бум!» , сказал дед, развернув гармошку. А мы ещё пацанами пели:

Лейся песня на просторе,
Не скучай, не плачь жена,
Штурмовать далёко море
Посылает нас страна.

– Это же политическая песня, - смеясь прервал Герман.

– Не политическая, а патриотическая, - поправил гармонист. – Вот благодаря таким песням мы пацаны и рвались в школу юнг.

Герман ещё хотел что-то сказать. но его остановил Артём, настраивая магнитофон на запись.

– А сколько было написано хороших душевных песен во время Великой Отечественной Войны! – продолжил Фёдор Захарович и стал петь по одному куплету «Тёмную ночь», « В землянке» и другие известные и не знакомые песни. Он не только прилично играл, но и обладал приятным баритоном. Вот зазвучала совсем не знакомая песня:

Гремит война от края и до края,
Грохочет шквал с утра и до утра,
В горячий бой сегодня посылает
Своих сынов прославленный Урал
Урал! Сыны твои клянутся,
Что будут все героями страны.
Урал! С победою вернутся
В родимый край отважные сыны.
Артём попросил допеть эту незнакомую
ему песню до конца.

Пока слушали песни, Игорь надел высохшую куртку и вышел на двор.

– Я, наверно вас утомил, - сказал Фёдор Захарович и тоже вышел из избы.

Вдруг до притихших туристов донёсся сердитый крик. Все бросились к дверям. В сенях, вернее в чуланчике, который примыкал к сеням, хозяин держал за шиворот Игоря и ругался на чём свет стоит.

– Я вас пожалел, а ты, сукин сын, решил по чуланам шмонать! – кричал он.

– Да я двери перепутал, - оправдывался Игорь.

В чулане был раскрыт шкаф ,на полках которого лежали какие-то коробки и стояла пара бутылок с водкой.

Герман, поняв в чём дело , взял Игоря за грудки и вмазал ему по морде, злобно сказав при этом:

– Ты что, гад, решил грабить престарелого ветерана?!

– Не трогать? – закричал хозяин. – Я ещё сам могу за себя постоять! Пошли на двор!

В крытом дворе возле крыльца лежала двухпудовая гиря.

– Ну-ка поиграйте этой штуковиной. а я погляжу, - предложил Фёдор Захарович.

Озадаченные туристы глядели друг на друга.

– Ну что ж вы задумались? – продолжил хозяин. – Давай, любитель чужого, жимани пару раз.

Игорь, молча, попятился. Почему-то все посмотрели на Германа. Видя безвыходное положение, он подошёл к гире. поплевал на ладони, потёр их друг о друга и взялся за гирию. Приподняв снаряд от земли, он широко расставил ноги и каким-то неловким движением закинул гирию на плечё. Выше плеча тяжёлая железяка ни как не хотела подниматься. После нескольких попыток Герман бросил гирию на землю. Артёму тоже хотелось попробовать, но он у видел, как беспомощно выглядел Герман и не захотел позориться. А вот Валерка вышел и спокойно довольно красиво выжал по одному разу правой и левой руками.

– Молодец, - похвалил Фёдор Захарович - а теперь смотрите. как это делают бывшие юнги. Без особого напряжения он поднял гирию до плеча и выжал три раза. То же самое он проделал левой рукой.

– Во даёт! – с восхищеньем сказала Лена.

– Видели? – спросил хозяин, поглаживая седую бороду. – Так что Пестерев ещё может за себя постоять. А теперь одевайтесь и шагом марш по своему маршруту. Одежда у вас уже высохла.

– Да что вы? Куда мы пойдём на ноч глядя? – сказал Герман.

– Дедушка, миленький, не выгоняйте нас, - запишала Лена, - мы ведь опять все вымокнем.

– А мне-то что? – не унимался хозяин.

– Вы извините нас за этого придурка,- снова стал уговаривать Герман, - я клянусь, что больше ничего подобного не повторится.

– Да у меня воровать-то нечего, только гармошка да гиря, - сказал подобревшим голосом Пестерев. – А водка это так на всякий случай. В нашей глуши без неё нельзя, она и лекарство, и валюта. Ладно пошли спать, но смотрите, если что, у меня рука тяжёлая.

Женщины расположились на диване, а мужчины прямо на полу. Дед, видя, что у Артёма кроме тоненького одеяла ничего нет, принёс повывавшую виды перинку.

– Вот, если не побрезгуешь, постели, а то твёрдо ведь на полу-то, - сказал он.

Ночью Лена начала кашлять. К утру кашель усилился, а когда все встали, то поняли, что Лена заболела. Её трясло от озноба, горячая голова раскалывалась от боли. Стало понятно, что до автобуса ей не дойти.

– Придётся, Игорёха, тебе остаться со своей Леной, сказал Герман.

Пестерев, услышав такое, конечно возразил.

– А можно, я останусь? – неожиданно предложил Артём.

Никто не возражал.

Перед уходом Анжела сунула Артёму три банки тушёнки и таблетки парацетамола. Когда все ушли, Артём понял нелепость своего положения. Он был абсолютный профан в медицине и совсем не знал, как разговаривать с Леной. Его выручил Фёдор Захарович.

– Я сейчас, дочка, травы заварю, - обратился он к больной. – Будем тебя поить, а как жар спадёт, отправим в баню париться.

Два дня Артём был на побегушках у Пестерева, но постоянно выбирал время, чтоб посидеть на краю дивана

возле тяжело дышащей Лены. Они молча смотрели друг на друга. Им всё больше казалось, что они знакомы уже много лет. На третий день мудрый старик заставил Лену сделать ингаляцию. В кипящую воду он бросил какие-то травы и ложку соды. Парящую луговым ароматом кастрюлю он поставил на табуретку возле Лены, и накрыв её с головой одеялом, заставил глубоко дышать.

В эту ночь Лена почти не кашляла. Утром, когда хозяин по каким-то делам вышел на двор . Артём включил магнитофон и по избе понеслись песни военных лет.

– Это что за дурак распелся с самого утра? – пошутил вошедший Фёдор Захарович.

– Может вы нам ещё что-нибудь споёте, - попросила повеселевшая Лена.

– Значит, девка ожила, - заключил Пестерев и помолчав добавил: - И сыграю, и спою, только сегодня как-то надо тебя напарить в бане.

– Ой , я совсем не умею париться, - призналась Лена.

– Я бы сам тебя, как следует, напарил, да ты ведь застесняешься с таким страшилищем в баню идти.

На это Лена только хмыкнула.

– Ладно, не волнуйся, что-нибудь придумаем, - пообещал дед.

Артём носил в баню воду потом дрова. а когда баня была готова, пришла соседка пожилая, но ещё бодрая женщина.

– Ну, кого тут надо отхлестать? – шумно спросила она.

– Отхлестать или отодрать мы тебя сами сможем, а тут, понимаешь ли, надо большого человека на ноги поставить, - ответил Пестерев.

Когда женщины вошли в баню, Фёдор Захарович через стенку подавал команды:

– Ты, Петровна, поддай, ещё поддай пору-то. На минутку выпусти её в предбанник и ещё повтори.

В избу лена шла, завернувшись в простыню.

Минут через пятнадцать заботливый хозяин подошёл к Лене.

– Мы сейчас выйдем, а ты завернись вот в эту сухую простыню, а то от мокрой опять простынешь, - сказал он.

Лена заупрямилась, но строгий хозяин настоял на своём.

- Вы что, Фёдор Захарович, всю жизнь в этой глуши прожили, - спросила Лена за ужином.

– А что , разве вам не нравится наша природа? – ответил вопросом на вопрос хозяин.

– Нет здесь даже очень красиво, но без людей, без цивилизации, наверно, скучно.

– Можно скучать и среди шумной толпы, если нет с ней близких отношений. Здесь же лес ,река, птицы, звери – всё мне дорого и понятно. Правда родился я совсем в другом месте, но тоже на маленьком хуторке. С одной стороны там был дремучий лес, ас другой поле с хорошей плодородной землёй. Даже в голодные тридцатые годы жителям хутора удалось выжить. Потом по чьей-то дурости нас переселили в большую деревню, пообещав электричество, школу, клуб и магазин. Правда, всё это появилось только спустя лет пятнадцать. Началась война. В деревне остались только старики, бабы и дети. В страдную пору, работая от зари до зари, получали мизерную зарплату натурой. Денег тогда колхозникам не платили. Приходилось работать и нам ребятам: весной боронили, летом пасли скот. возили копны, зимой вывозили на поля навоз. В старших классах проводили наборы в ремесленные училища и в школы ФЗО. В деревне за счёт огородов да скотины на подворье можно было жить, а там в городе в дали от мамки , говорили, житьё было совсем голодное. Меня лично в город совсем не тянуло. Вот попасть на фронт бить фашистских годов совсем другое дело. Ещё мне очень хотелось стать моряком. Как-то с другом Васькой узнали мы про школу юнг и в один прекрасный день сбежали из дому. Через неделю нас поймали и вернули домой. В следующий раз,

учтя все ошибки , я один отправился на поиски заветной школы. Как я добирался до неё, можно написать целую книгу. Пройдя все препоны, я всё-таки надел морскую форму. Там тоже было нелегко, но я был горд, что добился своего и мужественно преодолевал все трудности. А какие песни мы пели! Самая любимая была наша строевая песня «Варяг».

Фёдор Захарович взял гармонь и удивительно помолодому запел:

Наверх, вы товарищи. Все по местам!

Последний парад наступает.

Врагу не сдаётся наш гордый Варяг.

Пошады никто не желает.

У Артёма давно уже был включён магнитофон, а Пестерев, спев одну песню, продолжал рассказывать и пел песни на морскую тему. Очень чувствительно, хорошо аккомпанируя, он спел «Прощайте скалистые горы».

- Шла война, - продолжал гармонист. - Одни ковали победу в тылу, другие в смертельных боях сражались с проклятыми фашистами, но тех и других постоянно сопровождали прекрасные песни. И лирические, и патриотические песни принимались и пелись нашим народом. Слушали мы как-то по радио концерт, в котором, кажется, впервые исполнялась песня «На солнечной поляночке». Четыре раза на бис исполнил эту зажигательную песню ансамбль Александра.

Пестерев лихо пробежался по кнопкам гармошки и весело запел:

- На солнечной поляночке,

Дугою выгнув бровь,

Парнишка на тальяночке

Выводит про любовь.

В конце песни припев пели втроём.

– Прослужил я аж до

пятидесятых годов – продолжал Фёдор Захарович. В морское училище для меня путь был закрыт, ведь я даже

седьмой класс не закончил. Вернулся я в свою деревню. Отец меня не дождался. Сильно постаревшая мать еле сводила концы с концами. Ни электричества, ни магазина там всё ещё не было. Ребятишки по-прежнему в школу ходили за три километра. Пожил я недельку в деревню и поехал устраивать свою жизнь в город. Как ни странно на завод устроиться было не так-то просто. К тому же у меня никакой гражданской специальности не было. С большим трудом удалось мне устроиться на завод такелажником. Хорошо, что у меня сила была. Пришлось перевозить тяжеленные болванки и станины. Первое время жил в общежитии, потом, когда уже работал слесарем и женился, дали комнату в бараке. С появлением сына, привёз из деревни мать. Вам, конечно, трудно представить, как могли жить люди ковавшие победу а потом восстанавливающие народное хозяйство в длинных деревянных бараках с коридором через весь барак. Отапливать это жильё надо было дровами а туалеты были далеко на улице.

– Ужасно! – вставила Лена.

Какое-то время помолчав, Пестерев улыбнулся и продолжил:

– Между прочим, у такой жизни были свои плюсы. Если у кого-то была радость, праздник – праздновал весь барак. Если у кого-нибудь случалось горе – ему сочувствовали и помогали все соседи.

Вечерами на завалинке пели «Горькую рябину», «Где ж ты мой сад», «Вернулся я на Родину»,. Иногда кто-нибудь на открытом окне заводил патефон или включал радиолу. Тогда самыми модными певцами были Бернес, Утёсов, Шульженко, Александрович. Нечаев с Бунчиковым. Александрович в основном пел Неаполитанские серенады с русскими текстами. В репертуаре Клавдии Шульженко тоже было не мало зарубежных песен с русскими текстами «Простая девчонка», «Фраскита», «Голубка». А вот Глеб Романов, который играл в фильме «Матрос с «Кометы»» где пел: Самое синее в мире Чёрное море моё, пел «Два

сольди», «Домино» и другие песни и иностранном языке. Эти песни были очень мелодичными и постоянно звучали на танцах. Наши композиторы тоже не дремали. На радио постоянно появлялись новые песни.

Постепенно восстанавливались разрушенные города. С годами забывалась страшная война и те, кто своей кровью принёс нам победу. Набирало обороты народное хозяйство. Каждый год проводилось снижение цен. Появлялись новые промышленные товары. При желании можно было купить «Москвич» или даже «Победу». Появилась возможность построить свой дом на окраине города. Я обрадовался и не упустил этой возможности. Место было весёлое: близко речка а за речкой смешенный лес. Чем-то напоминало наш хутор. Конечно, пришлось затянуть пояса и много работать. После смены на заводе я становился и плотником, и каменщиком, и кровельщиком. Жена была рядом со мной и во всём мне помогала. Наконец, мы переехали из тесной, барачной комнатёнки в просторный красивый дом. То тут, то там стали справлять новоселья. Почти каждый выходной над посёлком звучали заливистые песни

Фёдор Захарович снова взял гармонь и, зазвучало попури на тему песен пятидесятых годов. Артём заметил, что почти все песни были на сельскую тему то « Одинокая гармонь», то «Пшеница золотая».

– Пели и другие песни, - возразил Пестерев, - например: «Сормовская лирическая», «Давно не бывал я в Донбассе», « Уральская рябинушка». А вот эту песню вы точно не слышали.

Старый гармонист рванул меха и запел:

– Протрубили трубачи тревогу.

Всем по форме к бою снаряжён,

Собирался в дальнюю дорогу

Комсомольский сводный батальон.

До свиданья, мама, не горюй

На прощанье сына поцелуй.

**До свиданья, мама, не горюй, не грусти,
Пожелай нам доброго пути.**

Допев песню до конца, Пестерев лукаво засмеялся.

– Ну, что? Слыхали? – спросил он – А ведь слова этой песни написал молодой Александр Галич.

– Галич? Не может быть, - удивилась Лена.

– Представьте себе: может. – подтвердил гармонист. - Он ведь не сразу стал десидентом. А моя самая любимая песня тех лет вот эта, - объявил он и, выдав красивый перебор, запел:

Если б гармошка умела

Всё говорить не тая.

Русая девушка в кофточке белой,

Где ж ты ромашка моя.

Гармонист так душевно исполнял свою любимую песню, что, казалось, это был не седой старик, а сам Иван Бровкин, роль которого великолепно сыграл Леонид Харитонов. Закончив свой коронный номер, Пестерев на глазах восхищённых слушателей застегнул ремешки на гармошке и хотел встать. но

Артём неожиданно спросил:

– Вот есть такая песня «Чёрные глаза». А когда она была популярна.

– Вопрос, конечно, интересный – артистично протянул Пестерев, - но для ответа на него нам придётся вернуться в барак. Был у нас там один Юра любитель музыки, по-нынешнему – меломан. Из его окна постоянно звучала музыка. Очень часто он крутил «Утомлённое солнце» и «Счастье моё». Пел эти песни Георгий Виноградов с замечательным сопровождением джаз-оркестра. По радио Виноградов пел тоже хорошие, но другие песни. Я не редко заходил к Юре. Как-то даже пошёл с ним на барахолку, где продавали грампластинки. Юра знал там всех торгашей пластинками и всё спрашивал какого-то Козина. Ему предлагали «Машу», «Любушку», а он искал «Осень».

Поздней я узнал, что Вадим Козин в то время уже был где-то в Магадане, и его пластинки можно было купить только на рынке. Только спустя несколько месяцев Юре удалось приобрести танго «Осень». Мне кажется, это самая лучшая песня в исполнении Вадима Козина. Ещё Юра приобрёл кустарные записи на рентгеновских плёнках. Это были в основном танго. С хорошим джазовым сопровождением пел какой-то Лещенко. Вот тогда впервые я услышал «Чёрные глаза», «Татьяну», «Вино любви». Спустя десятки лет я узнал, что всё это были танго Оскара Строка, очень популярного в тридцатых и сороковых годах, но не у нас. Ис полнял его душещипательные произведения в основном Пётр Лещенко, который в Советском Союзе был запрещён, как эмигрант. Тем не менее у любителей музыки были записи «на рёбрах» и они постоянно звучали на домашних вечеринках.

Можно было услышать танго Строка в каком-нибудь ресторане.

Наши инструментальщики иногда в день получки ходили в ресторан, где можно было заказать какую-нибудь песню. Был у нас не очень общительный, слегка заикающийся шлифовщик Гена Маслов. Каким-то образом он был знаком с произведениями Строка. Как-то, приняв определённое количество спиртного, Гена решил выделиться.

– «Чёрные глаза»! Я плачу! – крикнул он оркестрантам, бросив деньги.

Музыканты исполнили просьбу, а его понесло.

– «Забыть тебя»! – кричал он и опять швырял деньги.

Дальше следовали «Дымок от папиросы», «Вино любви» и другие песни из репертуара Петра Лещенко.

Гена чувствовал себя властелином пиршества.

Домой он пришёл без единого рубля. Сами понимаете, какой разговор был у него с женой, зато об этом случае знало пол завода.

Некоторые танго распевались в народе, но без джаз-оркестра они как-то не звучали. Сейчас это называют городским романсом. Как известно, романсы в Советском Союзе не очень приветствовали. По радио и на концертах оперные певцы исполняли под фортепьяно в основном романсы классиков. Надо признать, что простой народ такие выступления не очень трогали.

А вот пение Петра Лещенко с прекрасным оркестровым сопровождением создавало такое настроение, что порой накатывались слёзы. Вот и ходили на барахолку за душищипательными пластинками, в которых о самых прекрасных, самых интимных чувствах пелось красиво и мелодично. В какой-то степени городской романс удавалось вынести на эстраду Клавдии Шульженко. Теперь у нас с эстрады об интимных чувствах поют пошло и грубо:

«Ты скажи чо те надо,

Может дам.»

Ну ладно пора спать, а то я уже ударился в критику.

Утром Лена объявила, что окончательно выздоровела и сможет пройти двадцать километров.

– А я хотел угостить вас свежей рыбкой, - с огорчением сказал Фёдор Захарович.

– Это за какие заслуги? - удивился Артём.

– Я достаточно пожил на этом свете и научился разбираться в людях. С хорошими людьми интересно разговаривать, и хочется им делать приятное.

Пестерев считал, что побывать на такой красивой реке и не поесть свежую рыбу это какой-то абсурд. Начинаящие туристы были вынуждены согласиться с ним и с удовольствием отправились на лодке с мотором к любимому перекату Фёдора Захаровича. Артём был абсолютным профаном в рыбной ловле и поэтому вместе с Леной с любопытством наблюдали за магическими действиями старого рыбака.

Не прошло и часа, как он надёргал около десятка довольно крупных хариусов.

– Я ведь сам только здесь освоил это увлекательное и полезное дело, - признался Пестерев..

Жарил рыбу хозяин сам, применяя какие-то свои кулинарные хитрости. Никогда до этого Артём не ел такую вкусную жареную рыбу.

Вечером неожиданно появился коренастый парень лет тридцати.

– Кто такие? – грубовато спросил он.

– Это мои хорошие гости, - пояснил Пестерев.

– Хорошие. Тогда ладно, а товедь за мной не заржавеет, - пригрозил парень.

– Не волнуйтесь. Это мой внук Егор – самая преданная мне душа, - успокоил Фёдор Захарович и добавил: - Пожалуй, только он и навещает меня. У нас ведь здесь магазина нету. Спасибо ему, привозит кое-какие продукты.

Егор снял тяжёлый рюкзак и стал заполнять холодильник.

Внук хозяина оказался интересным общительным человеком. Он очень тепло отзывался о своём дед, который старался воспитать в нём всесторонне развитого, порядочного, сильного душой и телом мужика.

Когда вышли во двор, Егор взял двухпудовую гирию и, к удивлению Артёма, стал играючи метать её то правой, то левой рукой.

– Отец мной почти не занимался, - сказал он, бросив гирию, - зато дед водил ина каток, и в секцию борьбы, и за грибами, а когда все бросились торговать, он настоял, чтоб я пошёл на завод. Торгашей дед смолоду не любил, а завод считал делом надёжным.

– Ну и как? – спросил Артём.

– Сначала лихорадило, а сейчас не жалуясь. Платят регулярно и вполне прилично. Получаю и моральное удовлетворение. Я ведь произвожу продукцию, значит, в

какой-то мере помогаю России встать с колен. А вы не боитесь только вдвоём путешествовать?

Артём вкратце рассказал о неудачном сплаве на катамаранах, о том как Фёдор Захарович приютил их и почему они с Леной задержались на хуторе.

– А я, кажется, знаю, где могут быть ваши катамараны, - заключил Егор и подумав добавил: - если их ещё не продали.

Утром после завтрака туристы уложили свои рюкзаки и стали прощаться с хозяином.

– Слушай, дед, у тебя почему канистры пустые?! – закричал со двора Егор.

– Там ещё в пластмассовой есть, - ответил Пестерев, - мне пока хватит.

– Хватит, хватит, - передразнил Егор и добавил: – Надо было заказать с зятем Петровны. Ладно, я сейчас в Елино сгоняю и заодно туристов туда отвезу. Что они по грязи будут шлёпать? У парома легко попутку поймать.

Конечно, плыть на лодке было на много приятней, чем тащиться с рюкзаками по грязной лесной дороге. Теперь высокие скалы их уже не пугали. У одной даже замедлили ход и причалили.

– Это, пожалуй, самый красивый камень на нашей реке, - сказал Егор. – Надо обязательно на него подняться. Я знаю хорошую тропу.

Тропа действительно была удобной. Местами она походила на каменную лестницу. На вершине оказалась небольшая площадка с каменным барьером перед отвесным обрывом над рекой. Разгулявшаяся погода на прощанье подарила туристам великолепную картину. Неподалёку на повороте реки из берёзового прикрытия выглядывала очередная вершина очень красивой формы. На другом берегу ярко зеленел лиственный лес. Дальше в лёгкой дымке до самого горизонта простирался голубоватый хвойный массив.

– Жаль, Валерки нет с нами, - сказала Лена, - Он бы всё это заснял.

За поворотом среди березняка в устье небольшой речки обнаружилось полуразрушенное селение.

– Бывший леспромхоз, - пояснил Егор и неожиданно свернул по впадающей речке. Заросшая ивняком речка сделала зигзаг, и Егор осторожно причалил к мосткам, с которых брали воду.

– Загляните за те кусты, - тихо сказал Егор. – Посмотрите, что там спрятано и быстро возвращайтесь ко мне.

Обрадованные туристы вернулись и сообщили, что в кустах привязаны их катамараны.

– Сейчас будем разыгрывать спектакль. Ты Лена будешь частным детективом Еленой Эдуардовна Нельсон, у которой есть точные данные о том, что на этой неделе Бушуев Александр угнал два катамарана. Артём, как был, так и будет пострадавшим туристом. а я буду стараться уладить дело миром.

Сано Буш зимой жил почти на одно пособие по безработице, а летом не легально ловил сетями рыбу, подбирал брошенные в низовьях реки лодки и ,подняв их вверх по реке, продавал. Частенько он уводил у спящих туристов лодки, байдарки или катамараны. Иногда сразу поднимал их в верховья реки и удачно продавал, но случалось, на какое-то время прятал их в кустах. Когда, лишённые транспорта туристы уходили с реки, он спокойно буксировал их на продажу.

Все знали о криминальных проделках Александра. Даже участковый, не имея конкретных жалоб , закрывал на это глаза.

Егор огородом прошёл к покосившейся избе Александра. Навстречу ему вышел заросший похожий на старика, хотя ему не было и сорока, хозяин.

– Чо, решил новую лодку купить? – спросил он.

- А что, у тебя есть? – поинтересовался Егор.

– Пока нету. Была, да не давно продал. – ответил Александр и, понижая голос, спросил: - кого это ты привёз?

– Да вот, назвались твоими родственниками, уговорили подвести, а, как подвёз. выяснилось. что это сама Елена Нельсон - частный детектив Зверь баба. Про неё не раз по радио передавали. Любое дело мигом раскрывает. Так что кердык тебе пришёл, Сано Буш.

– А мужик-то кто? – испуганно спросил Александр.

– А мужик – потерпевший. – пояснил Егор, - Из той группы, у которой ты катамараны увёл.

– Может мне сбежать? – переходя на шёпот, спросил Александр.

– Ты что? Это же сама Нельсон. У неё везде свои агенты. Даже, наверняка в вашей деревне есть. От неё не убежишь. Надо договориться на мировую. Я постараюсь тебе помочь. Ты только не рыпайся. Пошли к ним.

К удивлению Егора, Александр был так напуган, что, как телёнок пошёл за ним.

– Елена Эдуардовна, может не стоит передавать в милицию, - начал егор, выйдя на берег.

– Как это не стоит! – строго сказала Лена.

– Да вот, мой друг Александр обещает завтра же перегнать катамараны к паромщику в Елино.

– А где гарантия? – не унималась Лена.

– Он дас письменное обязательство. – предложил Егор. – Дайте ему бумагу.

Артём достал, сложенную в двое, тетрадку, в которую записывал названия песен. выбрал чистую страницу и протянул Александру.

- Чё писать-то? – спросил Бушуев.

– Пиши: -«Начальнику, частного сыскного агенства...» - начал диктовать Егор.

– Зуеву А. Г. от Бушуева... - продолжила Лена.

Артём молча смотрел, как составляли «липовую» бумагу и вдруг, вспомнив, что надо подыгрывать, обиженным голосом закричал:

– Ага! Завтра этот гад перегонит катамараны в Елино и спокойно будет снова воровать! А кто нам заплатит за моральный ущерб. Целый год мы ждали этот отпуск и всё насмарку. В суде это на большие бабки потянет.

– Чё делать-то – прошептал Александр в ухо Егору, повернувшись спиной к присутствующим.

– Неси бабки, - посоветовал Егор.

– Сколько?

– Все, сколько есть, иначе тебе труба, - ещё больше нагнал страху Егор.

Когда Александр скрылся в темноте крытого двора, заговорщики невольно рассмеялись.

Небрежно перебирая ассигнации,

Артём насчитал одиннадцать тысяч.

– Не знаю, - протянул он, - устроит ли это моего шефа. Он мужик крутой, может так наехать, что мало не покажется.

– Ладно, поплыли. У меня ещё в Елино много дел, - сказала

Лена и направилась к лодке.

– Ты давай с буксировкой катамаранов-то не тяни – сказал Егор, - а я договорюсь с паромщиком Степаном, чтоб он приберёт их.

Проплыв с километр, участники розыгрыша так расхохотались, что Артём чуть не выпал из лодки.

– Не представляю, что я должен делать с этими деньгами, - сказал он, задыхаясь от смеха.

– Поделите с Леной и всё, - предложил Егор, - а хозяевам этих плавсредств, которые, по вашим словам, не очень приятные люди, скажите, что нашли их в кустах. Если что, я выступлю свидетелем, придерживаясь этой версии.

– Ладно, - сказал Артём Егору, - держи три тысячи на бензин. Ты заслужил. Остальное мы с Леной решим куда деть.

– Вы что, ребята, я-то причём. застеснялся Егор.

После долгого перепирательства Егор взял, но только одну тысячу.

На удачно подвернувшейся попутке Лена с Артёмом быстро добрались до электрички и только в вагоне вернулись к разговору о катамаранах. У Лены не было ни какого желания встречаться ни с Игорем, ни с Германом. Артём с трудом уговорил её взять половину денег и пообещал позвонить после встречи с Германом.

Артём пришёл в офис, откуда они отправлялись в поход. Германа там не было. Какой-то парень, не отрываясь от игры на компьютере, сказал, что он, наверно, с Анжелкой на даче кувыркается. Узнав, что до дачи километров тридцать, Артём решил съездить туда на велосипеде. Разыскать дачу не составило большого труда, но Германа там тоже не оказалось. Недовольный отец даже не стал разговаривать, зато мать рассказала о том, что сын вместо жены привёз какую-то девицу и рассерженный отец выгнал его.

– Он, наверно у своего дружка Никиты, такого же шалопая, - сказала она, - его усадьба с зелёным забором в самом начале деревни.

Ворота усадьбы с металлическим забором с не по-деревенски красивыми кирпичными столбами были не заперты. За воротами стояла иномарка. Артём обошёл её и дёрнул ручку дверей в сени, но дверь не поддалась. Заложив руки за спину, Артём прошёл мимо бани, чтоб посмотреть, нет ли кого в огороде. Вдруг кто-то схватил его за левую руку и стал её выкручивать. Артём резко повернулся направо и ребром правой ладони нанёс сильный удар по нападавшему. Им оказался Герман.

– Ты что?! – закричал он, захватив челюсть.

– А ты что? – в свою очередь спросил Артём и добавил: - У нас в части один сержант любил выкручивать руки. Я раз вот так же машинально врезал ему и навсегда отучил от этой дурной привычки. А у меня после этого

случая, видимо, закрепился рефлекс самообороны. Ты уж извини.

– Да ладно уж. А тебя кто послал за мной следить?

– Следить? Была нужда. Я совсем приехал по другому поводу. – ответил Артём.

В это время из бани вышла Анжела. Она подошла к мужчинам, поздоровалась с Артёмом и полотенцем стала сушить волосы. Не застёгнутый халат широко распахнулся, обнажив все её прелести.

– Ты чего?! – сказал Герман, сердитл взглянув на неё., но Анжела продолжала спокойно заниматься волосами.

– Ты что, совсем охренела?! – рявкнул Герман.

– Да ну вас, - спокойно сказала Анжела и повернувшись отошла в сторону.

Артёму, конечно, было приятно обозревать красивое обнажённое женское тело, но он не думал, что Анжела может докатиться до такого бесстыдства.

– Так зачем ты приехал? – спросил Герман, изменив тон.

Артём рассказал, что они случайно в кустах нашли катамараны и что надо ехать за ними в село Елино к паромщику.

– Да в гробу я видел этот сплав по рекам, - с раздражением изрёк Герман. - Лучше съездить в Египет или в Турцию. Да даже на такой даче балдеть, куда приятней.

– Ну, моё дело сообщить, а там уж решать вам, - сказал Артём и направился к велосипеду.

– Может по рюмашке... - предложил Герман.

– Спасибо. Нет желания и надо ехать, - отказался Артём.

Крутя педали, он думал о поведении Анжелы. Почему она так настойчиво и таким бесстыдным способом подкатывается к нему.

– Что ей Еермана нехватает? – думал он. – или ей нужны новые ощущения? Сама она довольно смазливая блондинка и фигура ничего, только почему-то напоминала

девиц из порнографического журнала. Наверно, поэтому и не вызывала каких-то эротических чувств.

Подъезжая к дому он вспомнил про Лену, которая внешне даже, может, проигрывала Анжеле, но с ней было на много интересней общаться и даже приятней было думать о ней. Поставив в коридоре велосипед, Артём сразу позвонил Лене. Она очень обрадовалась звонку и даже согласилась на свидание.

Встретившись, они долго бродили по улицам города, потом в кафе пили кофе с пирожным. Артёму казалось, что они были знакомы много лет назад, но очень давно не виделись. Глядя друг другу в глаза, они внимательно слушали и задавали самые разнообразные вопросы. Немало вопросов было и у Артёма к себе, когда на следующий день, скучая, он слушал магнитофонные записи гармониста Пестерева.

Вдруг позвонила Лена. Артём обрадовался и сказал, что слушает Фёдора Захаровича.

– Ты знаешь, такие хорошие песни, амы не знаем их слов, - сказал Артём, - дед ведь нам только по одному куплету пел.

Лена сообщила, что у них где-то был старый песенник, и пообещала его найти.

Через несколько дней Артём снова вышел на работу, а вечером его почему-то потянуло не домой, а к Лене, которая жила на другом конце города с мамой и бабушкой. Песенник Лена нашла в бабушкиной комнате. Бабушка берегла его, как ценную историческую книгу. Иногда она брала его с собой на собрание ветеранов, после которого они вспоминали свою молодость и пели свои любимые песни. Последнее время бабушка жила у дяди Володи, у которого жена после операции ещё плохо могла ходить. Бабушка готовила обеды и кое-что прибирала по дому.

Артём раскрыл песенник и стал не громко читать текст первой попавшейся песни:

Веетя вдаль тропа лесная,

Гаснут звёзды дальние.

Буду здесь всю ночь без сна я

Ждать с тобой свидания.

Лена села напротив и стала внимательно слушать.

– Какая лирика! – воскликнул Артём. – А нынче

поют:

«Ты меня обними

А потом обмани

И люби просто так».

– И эту пошлятину Валерия пела малышам в детском саду, - вставила Лена и вдруг спросила: - А ты почему магнитофон не принёс?

– Так я же прямо с работы. – оправдался Артём. – С утра не собирался к тебе, а за смену соскучился.

– Давно? – лукаво спросила Лена.

– Что давно? – не понял Артём.

– Давно врать научился? – переспросила Лена, и оба весело засмеялись.

У нас тоже магнитофон был, только сломался.

Двоюродный брат унёс ремонтировать и с концом. Кассеты долго валялись, а потом и их выбросили. Много хороших записей было у меня.

– Сейчас, как все, скажешь, что воспитывалась на «Битлсах», - улыбаясь, перебил Артём.

– Знаешь, вот они меня как-то не зацепили ни мелодиями, ни текстами, хотя я неплохо изучала английский язык. Мне больше нравилось слушать наши ВИА, которые сейчас критикуют.

– Значит, ты не любишь западную музыку.

– Ну почему? Я, например, с большим удовольствием слушаю Джо До-Сена. а от «Эль бимбо», в исполнении Поля Мориа просто балдею. Мне кажется, что эта мелодия о высокой любви.

– В этом ты права. Мне как-то довелось услышать по радио это произведение с русским текстом. Пела какая-то певица. Первая строчка так и звучала:

«Мелодия любви...»

Я люблю такие песни, где мелодия и слова говорят об одном и том же, - продолжал Артём, - а от таких песен, когда под весёлую, можно сказать плясовую, музыку поют о грустных и даже печальных историях, меня просто коробит.

– Настоящая русская песня всегда создавала особое настроение – сказала Лена. – Я для мамы и бабушки записывала целые концерты с такими исполнителями как Зыкина, Воронец, Мартынов, Лещенко, Ротару и другие. Сама тоже с удовольствием слушала их.

– Всё-таки молодец старик Пестерев, всю жизнь прожил с песнями, - заключил Артём закрывая песенник, - а я, тупица, ни на чём не научился играть.

– Зато ты гениально слушаешь, - продолжила Лена. – Что толку, что я училась в музыкальной школе.

– Ты, в музыкальной школе? – удивился Артём.

– Представь себе да, но всё забыто. На пианино ничего толком не смогу сыграть. На гитаре ещё, может, что-то смогу изобразить.

– У тебя есть гитара? – оживился Артём.

Лена была вынуждена достать из кладовки гитару, долго настраивала её и, сделав красивый проигрыш, запела всем известную песню:

« Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету...»

Зачарованный Артём, затаив дыхание, слушал вдохновенное пение Лены. Он снова раскрыл песенник, чтоб выбрать не знакомую ему песню с интересным текстом. Некоторые песни Лена знала и охотно пела, хотя часто сбивалась с игрой на гитаре. У некоторых песен даже Лена не знала мелодию.

– Всё, надо ехать к Пестереву, - решил Артём. – Он наверняка знает эти песни. В ближайшие выходные махну к деду. А ты поедешь со мной? – спросил Артём и взглянул на Лену. Её глаза выражали укор. Они словно говорили: «Наконец-то догадался спросить».

– Конечно, поеду, - тихо ответила она.

Закупив тушёнку, геркулес, водку, чай и новые кассеты, Артём снова зашёл к лене. Там оказалась бабушка Анна Ивановна.

– Это Игорь? – спросила она.

– Бабушка, о Игоре забудь навсегда, - сказала Лена.

– Забыть? – удивилась бабушка.

– Ты же сама говорила, что друзья познаются в беде.

Когда я во время похода заболела, Игорь уехал, а Артём остался со мной.

– Значит это Артём, - уточнила бабушка и добавила: – Красивое имя.

Лена была уже готова к поездке. но предложила Артёму перекусить. Через какое-то время бабушка заглянула на кухню и спросила:

– Так это вы с Артёмом едите к какому-то деду.?

– Бабушка! Это замечательный дед Пестерев. Он вылечил меня от простуды, - пояснила Лена.

– Пестерев – редкая, но очень знакомая фамилия, - сказала бабушка и задумалась.

– Да, Фёдор Захарович Пестерев – хороший человек и гармонист, - подтвердила Лена.

– Неужели это Федя Пестерев из нашего цеха? Мы с ним в хоре пели. Пел он хорошо, а сам такой симпатяга был. Все девчонки на него заглядывались. Всегда в тельняшке ходил, а на демонстрациях на гармошке играл. А далеко он живёт? Я бы очень хотела с ним встретиться. Ведь мы ветераны теперь, как родные.

– Бабушка, он живёт в лесу. К нему от автобуса двадцать километров надо пешком топать, - огорчила Лена.

– С ума сойти! Ну ладно. Тогда хоть привет передайте от Ани Федоренко, - попросила бабушка, - я тогда ещё на девичьей фамилии была.

Лесная дорога действительно была отвратительной. Хорошо, что давно не было дождей. Местами попадали такие ямы и колеи, что на обычной легковой машине навряд ли можно их преодолеть. Путники шли налегке, весело беседуя, и качество дороги их мало волновало.

Фёдор Захарович очень обрадовался гостям, а когда они выложили подарки, растрогался чуть не до слёз.

– Здорово разыграли вы Александра Бушуева, - сказал он, когда сели за стол. - Молодцы! Может меньше пиратничать будет после этого.

– Оказывается, вы пели в цеховом хоре вместе с моей бабушкой Анной Ивановной Федоренко, - сказала Лена.

– В хоре пел, - признался дед, - но никого не помню.

– А она вас хорошо помнит, говорит, что вы ходили в тельняшке, и все девчата заглядывались на вас.

– Да я года три флотскую форму носил, пока не прибарахлился, - признался Пестерев и стал вспоминать: – Аня, Аня... Может буэгалтер Аня Польшгалова.

– Точно, потом она стала Польшгаловой, - уточнила Лена. – Так вот она передаёт вам большой привет, говорит, что оставшиеся ветераны стали, как родные. Если бы не двадцать километров пешком, она бы, наверно приехала повидаться с вами.

– Что ты говоришь? – удивился застенчивый дед, - Вот бы встреча была! Вот бы попели старые песни!

– А мы бы записали, вставил Артём доставая магнитофон.

– Когда мы в хоре-то пели, я ещё такелажником работал и мало кого знал по именам, продолжал Фёдор Захарович, - а когда стал ремонтом станков заниматься, самодеятельность уже как-то заглохла, но с бухгалтером Аней Польшгаловой приходилось сталкиваться. Потом я перешёл в инструментальный цех. там тоже самодеятельности, можно сказать, уже не было, но слесаря прямо у верстаков очень часто пели. Один запоёт, его подхватит другой, третий и зазвучит целый хор. Пели

самые разные песни от лирических до патриотических. Мы ведь все были патриотами. Пусть не все верили в светлое будущее, но все работали для его приближения.

– А когда пели знаменитые «Ландыши»? – неожиданно спросила Лена.

– «Ландыши», которые исполняла Гелена Великанова, были популярны в середине пятидесятых годов, а в сороковых пели другие «Ландыши».

Хитро улыбаясь, дед взял гармошку и запел:

«Средь сиреневых запахов мая

Разгорается юность в груди

И на память тебе дорогая

Я хочу рассказать о любви.»

Последние две строчки гармонист повторял улыбаясь и лихо разводя меха.

«Это ландыши всё виноваты.

Белых ландышей целый букет.

Хорошо погулять не женатым

На рассвете своих юных лет.

Нам обоим с тобой по семнадцать –

Не года, а цветущие дни.

Так кому же не нам так влюбляться,

Так кому же не нам так любить.»

Возможно ещё был куплет, но я не помню, - виновато сказал певец .

– Ты записал? - спросила Лена у Артёма, - Я такую песню не слыхала.

К удивлению ребят старый гармонист знал мелодии почти всех песен, которые они зачитывали из песенника. Он даже помнил их тексты. Два дня они записывали забытые и малоизвестные песни и слушали интересные рассказы Фёдора Захаровича. Когда был пролистан весь песенник, Пестерев спел ещё несколько песен, которые были популярны в разные годы его жизни. Перед уходом Лена оставила номер своего телефона.

– Когда будите в городе позвоните, - сказала она, - может получится устроить вашу встречу с бабушкой.

Погода была солнечная с лёгким ветерком. Хотя лето уже приближалось к своему концу, то тут, то там раздавались голоса каких-то птиц. Артёму было очень приятно идти налегке по лесной дороге с симпатичной девушкой, которая весело рассказывала о себе и очень внимательно слушала его. Иногда они останавливались, чтоб полакомиться крупной малиной или смородиной, растущей прямо у заросшей дороги. В такие моменты они шутили и баловались, как малые дети. Вдруг на одном повороте, где дорога была обезображена глубокой промоиной, они увидели лежащую на левом боку автомашину. Это была четвёртая модель «Жигулей». За рулём в странной позе сидел мужчина, не понятно какого возраста. Беззаботное настроение сменилось какой-то тревогой. Сам не зная почему, Артём взял Лену за руку и, молча, повёл дальше от этого страшного места. Пройдя с километр, Лена неожиданно спросила:

– Ты зачем увёл меня от туда?

–Чтоб у тебя было меньше неприятностей? Меньше видишь – спокойней живёшь, - ответил Артём.

– За меня не волнуйся, я ведь будущий юрист, - успокоила Лена и, помолчав, предложила: - Давай вернёмся, может он ещё живой. Прежде всего, надо помочь человеку.

Стыдясь за свой поступок, Артём повернул обратно.

Не так-то просто было добраться до водителя.

Хорошо, что правая дверца была не закрыта. Открыв её, словно люк танка, Артём вниз головой забрался в салон автомобиля. Водителю было лет тридцать. Он дышал, издавая при этом слабый стон. Стекло левой дверцы было разрисовано сеткой трещин.

– Живой? – спросил Артём, задев плечё водителя.

Ответа не последовало. Артём принялся трясти водителя, но он молчал, низко опустив голову.

– Что случилось? – сердито спросил Артём, приподняв голову пострадавшего.

– Ой, больно, - наконец, простонал он.

Не просто, оказалось, разговорить этого парня. Даже когда он не много пришёл в себя. трудно было понять что с ним произошло. Он только помнил, что поздно вечером поехал в деревню, куда уехала его Галя.

- Куда тебя понесло ночью по лесной дороге, где на джипе с трудом можно проехать? – ругался Артём.

Оказалось, что свалившись в промоину на левый бок, парень сильно ударился головой, от чего потерял сознание.

– Ты что, пьяный был? – спросил Артём, заметив пакет с бутылками пива.

– Да нет, я только одну выпил, - оправдался водитель.

Превозмогая головную боль, парень с трудом выбрался через правую дверцу, и стали соображать, что делать с машиной.

Хорошо, что в багажнике были лопата и топор. Около часа Артём вырубал кусты и выравнивал промоину. От парня толку было мало. Он то и дело хватался за голову. Иногда плёл какую-то околесицу.

Сильно раскачав машину, Артёму с Леной удалось поставить её на колёса. Через некоторое время завели двигатель. Съехав вниз по промоине, Артём стал разворачиваться.

– Не надо разворачиваться! – закричал парень. – Я к Гале поеду.

– Какая Галя? Ты посмотри, какая там колея. Ты же сразу на брюхо ляжешь... - ругался Артём.

– Садитесь , - строго сказала Лена, - мы отвезём вас в больницу. У вас, по-моему, сотрясение мозга.

У Артёма дома были права, но опыта вождения машины не было никакого.

– Ничего, - успокоила Лена, - мы передадим его первым попавшимся гаишникам.

На лесной дороге Артём чувствовал себя очень напряжённо и ехал предельно медленно. Выехав на шоссе, он добавил газу, и ему даже понравилась быстрая езда. Увидав милицейскую машину он хотел остановиться, но баранка словно приковала его и он, задрвав нос, проехал дальше.

– Всё, - сказала Лена, - у следующих гаишников заранее включай поворотники и останавливайся. Надо опередить их.

Лена рассчитала всё правильно. У поста ГИБДД, где несколько инспекторов махали жезлами. Артём заранее включил правый поворотник и, плавно снижая скорость, остановился, не доезжая метров пять. Лена выскочила из машины и подбежав к первому инспектору с жаром начала объяснять:

- Нам нужна помощь. Мы в лесу встретили машину, попавшую в аварию.

– Ну и что? – грубо ответил инспектор.

– Надо водителя доставить в больницу.

– Ну, так, доставьте.

– Мы не имеем права. У нас нет прав.

– А как вы до сюда ехали?

– А что, по-вашему, мы должны были, человека с сотрясением мозга, бросить в лесу?

Инспектор нехотя подошёл к машине и потребовал у Артёма документы.

Артём развёл руками и показал на, дремлющего на заднем сидении, хозяина машины.

– Он что, пьяный? – словно обрадовался инспектор.

Хорошо, что Артём спрятал пакет с пивом в багажнике.

– Вы посмотрите на машину, - сказал он, подняв разбитое стекло. Он всю ночь пролежал на боку в канаве. Еле вытащили его.

– А как вы ехали? – не унимался инспектор.

– Да ездить-то я умею, но не имею прав. Не хочу, чтоб меня где-нибудь задержали. Мне это как-то не к чему, - пояснил Артём вылезая из машины.

Инспектора долго совещались и перепирались. Наконец, подошёл сержант и взял у Артёма ключи.

- Может нас тоже довезёте до города? – попросила Лена.

– Ну садитесь, - сделал одолжение инспектор.

Ехали молча. Остановившись у тремпункта., сержант скомандовал:

– Давайте заводите своего приятеля.

Артёму это очень не понравилось.

– А мы даже не знаем, каак его зовут, - сказал он, - так что управляйтесь без нас. Спасибо, что подвезли.

– Как не знаете? – удивился сержант.

– Мы же вашим товарищам всё объяснили, что нашли эту машину на лесной дороге.

– А документы у вас есть? – спохватился сержант.

– Вот возьмите мою визитку, если потребуются какие-то подробности, звоните, - сказал Артём и собрался идти.

– Ладно уж, давай поможем, а то увезут ещё в какой-нибудь вытрезвитель, - тихо предложила Лена.

На вопросы доктора хозяин машины даже не мог вспомнить куда ехал. Пришлось всё объяснять Лене с Артёмом.

Сержант на четвёрке куда-то угнал. Спасатели дальше добирались на автобусе.

– Всё-таки хорошо, что мы вернулись, сказала Лена, когда они прощались у дома.

– Ты молодец, - похвалил Артём и первый раз поцеловал Лену в губы.

Несколько вечеров Артём и Лена колдовали над новыми записями.

Бабушка тоже напела несколько песен. Даже Артёма Лена заставила петь, где-то найденные песни пятидесятых

годов. Двоюродный брат Лены Виктор обсмеял их за то, что они записывают на допотопной технике. но помог всё перегнать на диск в студии приятеля и показал на компьютере программу, в которой можно чистить и монтировать записи.

Незаметно подкралась осень. У Лены стало меньше свободного времени, ведь у неё был последний курс юридического. Артём купил ноубук и вечерами колдовал над записями. В выходные дни он приходил к Лене. Ему без особого труда удалось завоевать расположение Лениной мамы, а бабушка даже его ждала. Они с удовольствием слушали записанные песни. Наконец, Валерий сделал фотографии и целый пакет подарил Артёму с Леной. Бабушка не могла поверить, что на Урале есть такие красивые места.

Как-то прогуливаясь по городу Лена с Артёмом случайно встретились с Игорем. Артём ни разу не спрашивал Лену о её отношениях с этим типом и принял позу стороннего наблюдателя.

– Что , снюхались? – спросил Игорь вместо приветствия.

– Да, снюхались, - спокойно ответила Лена.

– Быстро же ты забыла, - продолжал Игорь. – Я не нахожу места, переживаю, а ты, оказывается, не скучаешь.

– На всю жизнь у меня остался осадок от твоего скотского поведения, а ты так переживаешь, что за полгода не собрался даже позвонить.

– Я никак не мог дозвониться, - оправдывался Игорь.

– Ну хватит! – строго сказал Артём. – По-моему, всё ясно. Извини, нам пора, - добавил он и, взяв Лену за локоть, обошёл Игоря.

Была уже морозная зима, кагда неожиданно позвонила Лена.

– Срочно приезжай к нам, - сказала она, - тебя ждёт сюрприз.

С большим трудом Артёму удалось «расколоть» Лену. Оказалось, в город приехал Пестерев и скоро должен прийти на встречу с бабушкой. А ртём тут же помчался к Лене. На всякий случай купил бутылку водки и кусок копчёной колбасы.

Бабушка очень волновалась и не знала какое платье надеть. Ей помогала Лена. Мама Лены колдовала на кухне. Артём передал ей колбасу и на всякий случай стал готовить компьютер и микрофон для записи.

Скоро приехал Фёдор Захарович. Его встретили Лена и Артём. В современной куртке и модной шапке с аккуратно постриженной бородой он выглядел на много моложе своих лет. Из комнаты выглянула бабушка, но гость, словно не заметил её, а подал Лене красивый пакет, сказав: - «Это для прекрасных дам», - стал раздеваться.

– Неужели, Федя? – проговорила Бабушка , подойдя к нему.

– Что совсем не похож на того моречка? – спросил Пестерев и добавил: - А ты, Анюта, почти не изменилась.

– Полно льстить, сказала бабушка и провела гостя в комнату.

Следом за ними в комнату вошла мама Лены с вазочкой, в которой был красивый букет из разноцветных гвоздик.

– А вот, Фёдор Захарович, моя дочь Полина, ну а внучку вы уже знаете.

– Да, - согласился Пестерев, - с Леночкой мы давно знакомы и с вашим замечательным зятем тоже.

– Каким зятем? удивилась бабушка.

– А что, разве они ещё не поженились? Так мы сегодня же сосватаем, - пошутил Пестерев.

Бабушка сразу принялась расспрашивать, почему Фёдор Захарович живёт где-то далеко в лесу.

– Дело , наверно, в том, - стал объяснять гость, - что я родился и вырос в деревне, большую часть жизни прожил в частном доме и эти бетонные стены буквально сдавливают меня.

Быстро накрыли стол.

– Ну что ж, Артём, давай салютуй в честь нашей встречи, - предложил гость.

– Давай, - поддержала бабушка, - Я не люблю, когда шипят шампанским, только пробкой не разбей что-нибудь.

Громко хлопнула пробка, Артём не спеша аккуратно разлил по бокалам шипучий напиток. Поднялась Лена и торжественно произнесла:

- Я предлагаю выпить за наших бабушек и дедушек,, которые, прожив не лёгкую жизнь, не растеряли своего оптимизма. Пусть эта встреча будет не последней.

Звон бокалов наполнил уютную комнату.

– А что ж ты без гармошки? – спросила Анна Ивановна, отпив из бокала.

–Ой, Анечка, нынче гармошку уже считают пережитком прошлого, - пояснил Пестерев, - да я как- то даже не решался вам звонить. Это внук Егорка настоял. Ему очень понравились Лена с Артёмом. Он меня и до вас на машине подвёз.

– Он что ждёт в машине? – спросила Лена. – Что же вы не взяли его с собой?

- Он у ехал по каким-то своим делам, но просил позвонить, когда соберусь домой.

– А на чём вы с хутора выбрались? – спросил Артём.

– Пока заносов нет, так у нас отличная дорога, - похвастался Фёдор Захарович. – Егорка постоянно навещает меня, а вот летом на его машине не всегда можно проехать. У соседкиной Гальки дружок как-то попытал счастье и свалился в промоину, да так, что сознание потерял. Потом Галька полмесяца не могла его найти. Ни дома, ни на

работе, ни в морге не могла обнаружить. Кто-то случайно опознал его машину возле милиции, но там ничего не могли сказать. Только когда он немного поправился, смог позвонить ей. Он так и не знает, кто доставил его из лесу в травмпункт. Говорит, что смутно помнит какую-то красивую девушку.

Артём и Лена дружно засмеялись.

– Передайте ему, что эту девушку зовут Леной, - смеясь, сказал Артём.

– Изучив ситуацию, я допускал такую версию, но до конца не был уверен, - сказал Пестерев. – Сейчас упади на улице и не дождешься, чтоб кто-то помог тебе встать, а тут в глухом лесу. Не зря я в вас сразу увидел порядочных людей.

– Давайте нальём покрепче, - предложил Артём, принеся из коридора бутылку водки. – Я знаю, что Фёдор Захарыч по не многу употребляет.

– Да мы к шампанскому-то как-то не очень приучены. – согласился Пестерев, - хотя когда-то его даже рекламировали. Тогда всего три рекламы было. Помнишь, Аня, в пятидесятых годах агитировали летать самолётами «Аэрофлота», хранить деньги в сберкассе а на здании гастронома был укреплён огромный транспорант, на котором была изображена красивая пара с бокалами и надпись призывающая пить «Советское шампанское».

– Правильно, - подтвердила Анна Ивановна, - простой народ его не покупал.

Лена принесла рюмочки, Артём мужчинам налил водку а женщинам добавил шампанского.

– Давайте выпьем за то, чтоб не забывались хорошие старые песни, - предложил он.

Разговор пошел о песнях. Бабушка сказала, что современные песни невозможно слушать. Тексты зачастую пошлые, одни и те же фразы повторяются по десять раз.

– А старые песни сейчас некоторые дураки называют партийными, - сказал Фёдор Захарович.

– Да, не мало было песен о партии и о её вождях, - вставила бабушка, - но народ-то пел прекрасные лирические песни.

– А помнишь, Аня, в пятьдесят третьем отложили заводской смотр самодеятельности из-за кончины Сталина?

– Конечно. Именно тогда мы пели с тобой в хоре, - уточнила Анна Ивановна.

– Как здорово мы тогда выдали заключительным номером «Кантату о Сталине» Мурадели! – продолжал Пестерев.

– Да. У меня у самой тогда мурашки по спине побежали. Это пожалуй самое сильное произведение о Сталине. – согласилась бабушка.

– Народ, кто не знал о репрессиях, очень переживал смерть великого Сталина, - заметил Фёдор Захарович, - Мы ведь намного позже узнали, каков он был на самом деле.

– Я помню, как со слезами сообщила соседке печальную весть, - сказала бабушка, - и была страшно удивлена, когда увидела радость на её лице, а слова: «Наконец-то сдох» просто вывели меня из себя. Потом я узнала, что её муж фронтовик, бравший Берлин, был осуждён за то, что неосторожно похвалил западные дороги.

– Мне ещё мальчишкой довелось слушать. как ветераны войны пели «марш артиллеристов», - вмешался в разговор Артём. – Они с неподдельным вдохновением пели:

«Артиллеристы! Сталин дал приказ!

Артиллеристы! Зовёт Отчизна нас!»

– Всё правильно. – сказал Пестерев. – Они ведь выполняли приказ верховного главнокомандующего. Это наша история.

– А по радио пели уже другие слова, - продолжал Артём.

– Ну и зря, с другими словами песни всегда становятся хуже, - заключил старый музыкант.

Под домашние пельмени выпили ещё и ветераны стали вспоминать работу на заводе. К сожалению, почти все общие знакомые уже ушли в иной мир.

– Фёдор Захарович, может вы что-нибудь споёте, - предложила Лена, принеся гитару.

– Ой, нет, я под такую музыку никогда не пел, - вежливо отказался гость и предложил: - Давайте лучше послушаем Аню. Она у нас и сольно пела какие-то романсы.

Немного поломавшись и пошептавшись с Леной, Анна Ивановна ещё вполне устойчивым голосом запела:

«Зачем тебя я, милый мой узнала,

Зачем ты мне ответил на любовь...»

Пестерев вспомнил, как Аня выглядела в молодости. У него даже мелькнула мысль: «Почему он раньше не обратил на неё внимание». Осмелевшая бабушка спела ещё несколько песен из репертуара Шульженко.

Когда стали пить чай с красивым вкусным тортом, который принёс старый ветеран, Артём включил запись сделанную на далёком лесном хуторе.

– Вот вам и мои песни под гармошку, смеясь сказал Фёдор Захарович. – Ну а свататься-то как, будем нет, а то мне уже пора, - обратился он к Артёму.

– С этим придётся подождать, - ответил Артём, - Лене надо получить диплом, а мне заработать на свадьбу.

– Логично, - ответил Пестерев. – только не забудьте на свадьбу пригласить. А с зарплатой-то как? Платят, нет? Ты бы связался с Егором, у них на заводе сейчас, кажется, стабильно платят.

– Знаешь что, дорогой, - решительно сказала бабушка, - десятого января будет рождественский вечер ветеранов. Ты с гармошкой обязательно должен на нём присутствовать.

– Поживём – увидим, - сказал Пестерев и достал телефон, чтоб позвонить внуку.

Перед Новым Годом Артём случайно встретил Анжелу. Она несла тяжёлую сумку.

– Ну как съездил Герман за катамаранами? – спросил он.

– Да ну его. – уклончиво ответила Анжела.

– Что так? – не отставал Артём.

– Ты лучше помоги сумку донести, - сердито попросила Анжела.

Это не входило в планы Артёма, но отказать даме он тоже не мог.

Из краткого путаного рассказа Артём понял, что фирма Германа обанкротилась, машину, которая была куплена в кредит, он вынужден был продать, чтоб погасить долг. Вдобавок ко всему, его выгнала жена. Он хотел жить у Анжелы, но ей он, как муж, оказался совсем не нужен. А насчёт катамаранов она ни чего не знает.

– Изображал из себя такого успешного, даже крутого, а на самом деле обычный лох. – с раздражением заключила Анжела.

У входа в квартиру Артём поставил сумку и хотел уйти, но Анжела смеясь сказала:

– что боишься? Даже на чашку чая не зайдёшь?

– Неужели я похож на труса? – ответил Артём и вошёл в коридор.

Хозяйка накрыл стол в чистой уютной кухне. Поставила на плиту чайник, а на столе появилась бутылка коньяка. и наспех приготовленная закуска. После двух рюмок Артём сам взялся за бутылку. чтоб налить ещё. Он рассказал, как они с Леной ездили к Пестереву. что он сейчас ищет пластинки и записи старых песен и танго Строка.

– Я сейчас. – сказала Анжела и удалилась в комнату.

Вдруг зазвучало не знакомое Артёму, но очень красивое танго.

– Пойдём, потанцуем, - предложила Анжела.

Перед гостем стояла дама в красивом тёмно-вишнёвом вечернем платье. Глубокое декольте и высокие вырезы на длинном подоле делали её не отразимой. Конечно, Артём неумел танцевать этот красивый танец и стал просто двигаться, как принято на дискотеках, отбивая руками ритм. У Анжелы в танцах опыта было больше и она выполняла довольно сексуальные па. От резких движений разрезы на платье так широко расходились, что показывали отсутствие нижнего белья., После танго зазвучала «Реорита». Движения танцовщицы стали ещё резче, и разрезы на платье у Артёма стали вызывать даже какой-то не здоровый интерес. А Анжела танцуя внимательно следила за реакцией Артёма. В самом конце танца она одним движением сдёрнула с себя платье и обнажённая, словно кошка легко прыгнула в кровать, всем видом приглашая к себе партнёра. Какой мужчина не примет такой подарок! Артём судорожно сбросил с себя всю одежду и, присоединившись к Анжеле, стал руками обследовать все её прелести..

Утром, провожая гостя, Анжела сказала:

– Я, надеюсь, что вечером ты снова придёшь.

– Слушай, Анжела, - задумчиво ответил Артём, - с тобой в постели было очень хорошо, но ведь кроме секса есть другая жизнь в которой мы с тобой совершенно разные. Так что извини и прощай.

– Коз-з-зёл. – процедила Анжела сквозь зубы, закрывая двери.

Неожиданно Артёму позвонил Егор. Он сказал, что собирается приехать дед, только просил уточнить, где и в какое время будет проходить вечер. Ещё он сказал, что дед волнуется и готовится спеть какие-то песни. Артём пообещал всё разузнать и сообщить Егору.

Рождественский вечер открыл хор ветеранов, в котором пела и Анна Ивановна. Артём попросил разрешение записать исполнение хора. Потом, когда все

ветераны разместились за накрытыми столиками, на сцену вышла группа под названием «Старая пластинка». Они исполнили несколько старых, но хорошо известных песен в современной аранжировке. Их слишком громкое и необычное исполнение не очень понравилось ветеранам.

– Конечно, впечатление совсем не то, но спасибо, что пытаются сохранить наши песни, - заметил Пестерев.

Когда наступила тишина, поднялась Анна Ивановна и торжественно объявила, что на этом вечере присутствует ветеран войны и труда Фёдор Захарович Пестерев, с которым она когда-то пела в одном хоре. Фёдор Захарович, взяв гармошку, вышел на сцену.

– Сейчас от молодых можно услышать, что мы не правильно жили. – начал он. – Мы защищали свою Родину, мы восстанавливали разрушенное хозяйство, Мы осваивали целину, мы возводили электростанции, мы строили космические корабли и что бы мы ни делали, нам во всём помогала хорошая задушевная песня.

Сейчас целые фабрики клепают эстрадных исполнителей. Через несколько месяцев их уже называют звёздами. Что же мы слышим от этих звёзд? Ни мелодии, ни содержания, ни голоса. Что поёт современная молодёжь в быту? Ничего. Если собираются несколько человек, они обязательно пьют пиво, курят и ведут с помощью мата пустопорожние разговоры. Мы же всегда стремились сделать свою жизнь интересней, романтичней и без всяких фабрик постоянно пели.

Он лихо пробежался по кнопкам и стал петь по одному куплету сначала «Катюшу», потом «Огонёк», «Тёмную ночь». Когда он запел «День победы», все стали ему подпевать. Конечно, он исполнил свою любимую песню из фильма «Солдат Иван Бровкин». Потом звучали песни Островского и Пахмутовой.

Артём удивлялся, как это можно извлекать из маленькой двухрядки такие объёмные гармоничные звуки. А голос певца то разливался в чувственных признаниях, то

становился настолько мужественным и призывающим, что хотелось идти за ним в огонь и воду. Ветераны, которых в основном представляли седовласые бабульки, подпевали ему, порывисто размахивали руками. Казалось, сейчас они возьмут лопаты и отправятся на субботник, или поедут в подшефный колхоз помогать убирать богатый урожай.

Закончил своё выступление старый гармонист знаменитым «Маршем энтузиастов»:

« Нам нет преград ни в море ни на суше,
Нам не страшны ни льды. ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесём через миры и века!»

Успех был ошеломляющим. Даже ребята из группы «Старая пластинка» не жалели ладоней и без конца кричали: - «Браво!».

На следующий день Артём с Леной шли к Егору, чтоб дать послушать записи с выступлением деда. Неожиданно они столкнулись с Анжелой.

– Ой, Анжела, Здравствуй! – обрадовалась Лена.

– Здравствуйте. – сухо ответила Анжела и, немного помолчав, пошла в наступление: - я волнуюсь, каждый вечер жду его, а он видите ли прогуливается с другой.

– Ладно, кончай трепаться, - обрезал её Артём, - нам некогда, пока.

– Быстро ты забыл, как развлекался со мной в постели! – прокричала Анжела в след уходящей паре.

Какое-то время шли молча.

– Вот неуёмная баба, - наконец заговорил Артём, - то в палатке приставала, то в деревне прямо при Германе обнажилась.

Лена молчала, а Артём хотел честно во всём признаться, но вспомнил слова Валерки: - «Никогда не признавайся жене в измене, а если тебя ревнуют не обоснованно, соглашайся и говори, что у тебя были со всеми связи от кондуктора трамвая до английской королевы. Если

баба умная, то поймет, что её разыгрывают, а если дурра, то при любом раскладе будешь виноват».

У Артёма с Леной ещё не дошло до близких отношений, но, видя её испорченное настроение, он всё-таки стал оправдываться.

– Перед Новым годом, когда я узнал о крахе Германа, она опять упорно приглашала меня к себе, - сказал Артём, - но ведь ты знаешь, что она не в моём вкусе.

Кажется, это успокоило Лену.

Фёдор Захарович был ещё в городе и очень обрадовался приходу ребят. Егор вставил флэшку в свой компьютер и включил через колонки принесённую запись. Родители Егора, которые с нескрываемой иронией наблюдали за этой идеей, тоже решили послушать. Артём так хорошо почистил и смонтировал всё записанное, что получился очень хороший музыкальный рассказ о наших песнях и одном замечательном гармонисте пропагандисте душевной русской песни Фёдоре Захаровиче Пестерева.

– Ну, Фёдор Захарович, вы коренным образом изменили моё представление о песне, - сказала мать Егора. – Я лишённая музыкального слуха всю жизнь считала, что поют только артисты и пьяные, а гармошку как и балалайку я всегда считала деревенским инструментом. Теперь у меня об этом совершенно другое мнение.

– Ане подарить ли нам нашему деду боян? – предложил отец Егора.

– Тебе что, не нравится как звучит моя гармошка? – обиделся дед. – Я много инструментов перепробовал, но лучше моей подружки нигде не встречал.

– Гармошка, конечно, звучит, но боян как-то солидней, - попытался оправдаться отец.

– Баян надо было осваивать лет пятьдесят назад – продолжал Пестерев, - а с гармошкой я так свыкся, что мои руки сами знают где какой звук находится. Нот-то я не знаю, а звуки чувствую, хотя когда начинал играть, с музыкальным слухом тоже было не очень. А потом большое

желание и труд сделали своё дело, и теперь почти любую песню могу сходу подыграть.

– Очень жаль, что у нас не было видео камеры, - вмешался в разговор Артём. – Выступление Фёдора Захаровича так взбудоражило бабулек, что это обязательно надо видеть.

– Там, по-моему, кто-то снимал, - перебила Лена, - я обязательно постараюсь раздобыть эту запись.

– Хорошие вы ребята, однако, - сказал улыбающийся дед.

– Вам, Фёдор Захарович, огромное спасибо, сказал Артём.

Пестерев ничего не понял.

– На вашем хуторе, Фёдор Захарович, можно сказать, мы подружались с Тёмой, - пояснила Лена.

– а, теперь понятно, - сказал Пестерев и громко засмеялся. – А жениться вы не раздумали?

– Мы же говорили, что до лета решили подождать., ответил Артём.

– Кстати, Егор, у вас там нет вакансии? – обратился дед к внуку. – Человеку надо на свадьбу заработать.

– Ладно, я прозондирую, - ответил Егор.

– Ну вот и хорошо, - подвёл итог Пестерев, - ну а видеокамеру я вам на свадьбу подарю.

– Вот вы, Фёдор Захарович, знаете сотни песен, а совсем не знакомую мелодию сможете саккомпанировать? – неожиданно спросила Лена.

Пестерев не сразу понял, чего от него хотят. Лена объяснила, что ещё осенью Артём написал стихи и пытался их петь, что она доработала и записала ноты на эту песню. Музыкант, ещё раз повторил, что не знает нотной грамоты и, взяв гармошку, попросил Лену напеть их песню. Скоро мелодия была схвачена и, сыграв вступление, музыкант кивнул головой оробевшему Артёму.

«Осень прохлада, туман над рекою.

В золоте всё вокруг.

**Как хорошо мне быть рядом с тобою,
Милый желанный друг.» - пел несмело Артём, и
гармонист очень тактично выводил мелодию, но когда
включилась Лена повторяя вторую часть куплета, гармонь
зазвучала в полную силу.**

**«Дождик противный напрасно пугает,
Мы вдоль реки пойдём.
Хмурый чудак, он, наверно, не знает,
Как хорошо вдвоём.»**

**Второй куплет Артём пел уже без стеснения, а
гармонист добавлял в сопровождение красивые переборы.**

**«Много сказать мне сегодня хотелось,
Только молчу опять,
Но почему-то вдруг песня запелась,
Сам не могу понять.»**

**Артём совсем осмелел, подошёл к Лене, и конец песни
они пели обняв друг друга.**

**«В старом саду все пичуги отпели.
Мы вместо них поём.**

**Нам не страшны ни дожди, ни метели,
Так хорошо вдвоём.»**

**– Это что, выходит вы композиторы? – удивился
Егор.**

**– А песня-то у вас не плохая получилась, - ответил за
авторов гармонист, - значит и сейчас хорошая песня служит
человеку, - добавил он и рванув меха лихо запел:**

**«Нам песня жить и любить помогает.
Она, как друг нас зовёт и ведёт,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадёт.»**

январь 2013год.